

Приключения меня

Андрей Рыжов

18+

Андрей Рыжов
Приключения меня

«Автор»

2025

Рыжов А. А.

Приключения меня / А. А. Рыжов — «Автор», 2025

За приключениями не обязательно ехать далеко. Может, обычная повседневная жизнь и есть приключение, если посмотреть на неё с иной стороны?

© Рыжов А. А., 2025

© Автор, 2025

Андрей Рыжов

Приключения меня

Началось всё с рождения, с обвития пуповиной. День был, потом ночь – всё как положено. Я был положен и молчал: она, змея, обвила меня вокруг спиралью и стянула честно зароботанные за девять предыдущих месяцев глотки воздуха. Поэтому, понятно, первые вздохи я пропустил. И какие!

– Невосполнимые вздохи.

Первая истерика не состоялась – кто восполнит мне? Как первую любовь, понимаете? Вторая не захочет быть первой, то есть раньше, встать в очередь. В общем, непонятно было, родился я или нет.

И не сказать, чтобы застал их своим желанием врасплох. Нет. Одеты были чисто, в белое, в количестве достаточном для свидетельских показаний. Я даже удивился.

– Сын-то у вас дурачком родился – сразу видать: дураки только ничего не просят и не хотят. Зачем пришёл – непонятно.

Отрезали, расправили пружину. Начали бить. По пяткам, по спине. Колотили до мочеиспускания (не подумайте – предупредительного, в воздух), что и стало первым моим заявлением. Я и потом предпочитал невербальное вербальному, но потом позже.

Сначала солидный мужчина в халате облокотился на спинку кровати.

– Я бы на вашем месте ехал в Москву – только там могут понять. Лишение кислорода ослабляет потенциал мышления. Я не хочу сказать, что он будет идиотом, но...

И покосился на меня через очки. Сглазил.

Детство прошло мирно, за исключением случайных подозрений:

– Посмотрите, у него всегда открыт рот, и он всегда молчит.

– Дышит ртом, вот и молчит.

И странной реакции Манту, отчего я воспитывался в обществе таких же странных с огромным красным пятном на предплечье (в нашем обществе трудно выделиться). Там я усиленно питался.

Первые признаки появились в школе. Точнее, вне её. Там я был на виду – меня постоянно где-то видели.

– Это он. Точно.

Сломанные плодовые деревья, проваленные крышки сараев – я чувствовал себя противоречиво: с одной стороны, торнадо, с другой – офтальмологом. Я прорывался сквозь катакту и глаукому, закручивая детективный сюжет, в воронку которого стягивались окружающие меня события.

Я не мог оторваться от земли с помощью рук. С помощью других частей и средств это было возможно, но руками я взять и поднять себя не мог. Ни одного раза, ни, естественно, двух. Я-то понимал, что у меня длинное плечо и мне надо преодолевать больший путь по окружности, но физрук не терпел физику. Понимал физическое, но не физику.

– Не обманывай меня, лапша! Через забор у тебя получается.

Здесь должно было следовать какое-нибудь робкое оправдание, признание своей ничтожности или трюк с поднятием себя за волосы. Но я чреват медлил. Видимо, из-за короткой стрижки, которой я регулярно подвергался в то время.

– Не молчи, я с тобой разговариваю. Я тебе что – ничто?

Он умел разговаривать с продуктами, овощами, животными и их выделениями, наделяя их человеческими качествами. Не занятия, а сказка.

К доске, стоит сказать, меня не вызывали – брезговали, наверное, не выносили молчания. А я не молчал – просто долго выбирал, по какой извилине пустить мысль. На выбор, известно, требуется время. Поэтому я стоял перед выбором, а не перед доской.

Обучение, в общем, прошло как одно целое. Оно ведь общее, – о каких деталях может идти речь? За исключением двух-трёх случайных ударов в паховую область и вспомнить-то нечего. Но как-то в один год оно вдруг выросло вместе со мной, стало высшим и превратилось в сплошные детали. Неумение подтягиваться ещё преследовало меня, но замещалось трудовыми повинностями. В труде можно забыть всё, в том числе имя, – откликаться на должность.

–Э.

Должность обозначалась местоимениями, междометиями и прочими несущественными частями речи и даже отдельными, предпоследними буквами алфавита.

Моё молчание постоянно находило себе противоположности, становилось с ними одним целым. Так я заговорил не своим голосом – голосом ближнего. Тут меня стали подозревать, задавать уточняющие вопросы.

– С кем имею?..

Это косоглазый декан вёл двойную игру – говорил с двумя собеседниками одновременно, постоянно уточняя, чей сейчас ход, но при этом ходил только он. Из одного угла возвращался в другой.

– Так о чём я?

Зачастили очереди. Я вставал в них последним, пристраивался, наступал им на хвост. Очередь, нервно извиваясь, шипела.

– Это в женский, мужчина.

Так я стал мужчиной. От страха (я боюсь пресмыкающихся). В театре возможны любые обращения.

Мужчиной быть замечательно, но меня не замечали. Видимо, из-за преобладания духа над телом. Но с последней парты, из маргинальных слоёв, мой дух не доходил до преподавателей – неприятельские носы его истощали. Понимаете, я источал, а они истощали. В этом всё дело. Поэтому я перестал пользоваться дурманами лжи и обмана и замкнулся в себе. Собственно, я пах собою, не далее. Меток не оставлял, не позволяя недоброжелателям отследить моё передвижение. Хотя при случае мог их поражать: дело в том, что я превосходно сморкался. Я превосходил остальных в дальности метания отделённой от носа сопли. Жаль, что такой навык не востребован обществом.

Не подумайте, я мог за себя постоять. Выстаивал часы для пересдачи зачёта.

– Чего стоите?

– Ничего.

– Возьму.

Брал. Не у меня – я был не замечен. Я зубрил, но мне не верили. Я не внушал, ибо вера – это внушение. Поэтому со мной у не верующего в меня преподавателя всегда была фора в минус два бала. Зачётная фора.

Помню грязь под ногами – у меня избирательная память. У памяти есть право избирать и быть избранной, а я равнодушен к правам и свободам. Помню далее: это было за пределами института, где под ногами был паркет. Я не вносил и не выносил грязь, а она, уличная, ко мне приставала, клеилась, бросалась (я был привлекательно чист и соблазнительно опрятен), но я, согласно всеобщему закону любви, её отвергал. Тогда-то и возникла необходимость переезда, точнее порыв – видимо, грязь меня зацепила. Слеплённый новой страстью, я порвал отношения с прежней квартирой! Взял безмолвного друга – цепной велосипед из будки-ракушки нежно, под раму и понес как невесту, боясь возможной связи с искушающей, павшей, уже связанной с водой пылью. Несу торжественно (в то время я носил удлинённые волосы) – волосы развеваются турбулентными струями. Вдруг меня подрезает осинённая машина. Тут меня осе-

нило: «Цирюльники свободы!» Я сжался, стараясь выдать этим жестом себя за ничто, и ждал вопроса про турбулентность.

– Почему на нём не едешь?

Я растерялся. Молчу, обретая тайну. Но их явно не устраивало такое взаимоположение меня и велосипеда. Начали бить пятками и коленями по спине и другим сторонам тела: «Говори, говори...» Но я терпел, не пускал мочу.

– Переезжаю. Поеду на грузовой.

– Сволочь. Кретин. Падаль. (Их было трое).

Так я преодолел турбулентность моих волос – они связались с комками засохшей крови и затвердили мой характер. Всё-таки, длинные волосы к лицу и всему другому цепляются. Подрежу.

Стечением обстоятельств доход стабилизировался – захотелось преодоления.

– Достаток возбуждает желания.

Так когда-то кто-то где-то говорил. Поехал на собаке – злая электричка часто подбегала к платформам и выливалась на них людей. Заметил внутри бугая. Чтобы не сидеть втроём – втроём я плохо соображал, – подсел к нему. Он как раз занимал полтора места, а моей скромности достаточно двух третей.

Ни человек – глыба! Я даже о нём задумался, хотя он никак не встраивался в систему моих размышлений: представил вспененного вдохновением Микеланджело с зубилом, отсекавшим всё лишнее. Работа кипит. Зубило охлаждается потом, струящимся со лба творца... Запнувшись об меня, прошли два полицейских. Я сразу вспомнил, что что-то забыл, и начал обыскивать себя. Незаконченный Давид же воспользовался моей слабостью и подозрительно на меня покосился, видимо, считая процесс своего превращения интимным. Я не совсем его понял – возможно, скульптор наметил пока только общие идеи головы и туловища. Шея и лицо ещё не были проработаны: нос вздымался бугром, подбородок напоминал клюв жадного пеликана. И сам он, в выдохе перегара, показался мне терракотовым.

Вдруг он стал интенсивно переключать содержимое левых карманов в правые. «Флюгер, – подумал я, – предал коммунистические идеалы! Так вот и растащили советскую Родину. При безмолвном попустительстве...».

Да, я безмолвствовал в тот момент. Я не обсуждаю политику – я аполитичен. Но бугай не убирал с меня глаз до конца поездки, явно пытаюсь склонить меня на правую сторону вместе с вещами. Без предложения меня не склонишь. Что могут предложить правые?

Захотелось рыбы – такое за мной водилось. Я знал рыбные места и не скрывал их от себя. С высокомерностью аристократа я миновал охранника-лакея. Он ждал от меня небрежного взгляда на чай, но я был безжалостно стремителен. Как Пётр первый. Почти. Никого не замечал, но... меня заметили. Следовало бы сделать паузу, остановиться, почувствоваться, воспринять... Хотя в выражении его лица было что-то от морского окуня, мне хотелось проверенной сёмги. Встал у прилавка, затаился, ожидая, когда же заключёт выбор. Выбор для меня самое трудное – я могу ожидать его часами. Это моя женщина – я мучаюсь с ним.

Не обращайтесь внимания на противоречие – на меня никто не обращает внимания.

Так вот, я их избегаю (как бы и не бегу и не убегаю), но всё равно наступает момент (не полицейский из Московской области – нет), когда надо это сделать. Делать я это предпочитаю в медленном творческом одиночестве, ощупывая мыслями обёртки, испытывая на упругость тела... Ведь они все отмороженные, а прикрываются. В общем-то, я и предавался этому занятию там, в магазине, в этом доме терпимости, ибо трудно сдержаться: багровые куски плоти тунцов, алые сёмги – они, бездыханные, томились в духоте вакуумных тюрем. Мне же хотелось дать им свободы – Всем свободы! – и я запустил руки в прилавок. Но тут лакей отразился в витринном зеркале. Он дышал мне в спину, поскольку, как уже обмолвился, я был Петром Первым. Говорят, если вы увидели в зеркале морского окуня горячего копчения –

бегите, ломайте ноги, ногти встречным дамам. Только бегите, прошу вас. Бегите, если видят ваши глаза. Не берите с меня пример, да и вообще, всё и всех бросайте и бегите. Это не совет, это примета – смиритесь. Не бунтуйте, не давайте воли гордой ходьбе, потому что пошёл я. Да, схватил скумбрию под мышку и, заметив пробку из умных людей, совместно думающих на моём пути, и пошёл буквой П по огибающей стены прилавка. Подобная защита оказалась странной для стандартной партии покупателей. Окунь клюнул и начал преследование, я же не останавливался, но прихватил по пути банку кофе. «Буду мутить воду. Только бы не запнуться, не упасть, донести. Может, я сплю?» – успевал думать я на ходу.

– Молодой человек.

Окунь обратился ко мне. Он – оборотень, а я Пётр Первый и не могу просто так встать – у меня длинный тормозной путь. К выходу через кассу ближе – касса и выход были в одной стороне, заодно.

На кассе мне стало стыдно – на меня так смотрели. В глаза. «Может, кофе и рыба? Надо бы взять сигареты – они всё логически свяжут: выпил кофе, покурил, отбил запах рыбой холодного копчения. Какие сигареты? С фильтром?» Я никогда не курил. Окунь дышал мне в спину, кассирша в живот – я был зажат в тиски. «Если они так будут продолжать, то я буду вынужден предъявить содержимое желудка», а такие решения созревают быстро.

– Платить будете.

– Что?

– Деньги.

Ах, деньги! Деньги всё свяжут – это лучший логический оператор. У курящих просто недостаточно денег.

Так я стал вором. Я крал, потому что их глаза говорили об этом. Сами же они говорили:

– Чем я могу вам помочь?

Спасибо, я сам могу себя обслужить, это же магазин самообслуживания. Самообслуживание – это воровство? Или я ошибся приставкой? Это не супермагазин? Мини? Спросить разрешения? вы у меня? Нет? Ведь это вы маленькие. Как? Я? Я – Пётр Первый.

Захотелось события. Познакомился с барышней – она усердно учила английский. Чтобы предотвратить, спросил сначала прощения, потом имя. Она ответила только имя – думала, позовут, но у меня были свои позывы. Фамилию дал ей свою – думал достаточно, она же хотела большего, чего-нибудь английского, чтобы не стыдно было произносить вдали от нашего дома. Она часто думала о долях, долях и прочем относительном в теории.

– Хорошо на Карибах – сейчас туда скидки.

Процент наших с ней отношений тоже падал – скидывать было её любимым занятием. Она и меня скинула, обвинив в воровстве лучших лет.

Пришлось искать чемоданы. Знаете, есть такая сумка, предназначенная только для ноут-буков. Не сочиняю, ибо творчество в ней не развернётся. Мягенькая такая снаружи и внутри. Из-за приключившейся со мной стеснительности от приятного ощущения я не спросил у здравого смысла о высшем её назначении и в преступном неведении, проявив творческое безрассудство, повёз в ней бельё. Мне показалось разумным на грани патента складывать туда выглаженное астеничное бельё для моего плоского тела. Хотеть чего-то большего было некогда.

В аэропорту снимали отпечатки пальцев, раздевали, травили собаками. Спросили ещё, сам ли я собирал сумку. Я начал думать, поскольку никогда не думал об этом, и вдруг, откуда ни возьмись, появилось оно – рыжее, многобритое, в выцветавших веснушках лицо с расплывшимся шрамом ухмылко-улыбки, с запекшимися по его краям губами, припорошенными листиками белой отмиравшей кожи. Шрам, видимо, был получен в подобострастных боях с вежливостью. Оно манило меня пальцем, будто нажимая на курок. Очередями:

– Ка-а-а-ам. Ка-а-ам.

Это был немецко-говорящий аэропорт.

Не знаю почему, я повиновался. Лицо со шрамом пятилось, постреливало, продолжая растягивать улыбку. Наверное, ему было больно. Так оно долго не зарастёт, до пенсии.

Завело меня в какую-то каморку без видимых шансов на побег, остановилось и ткнуло пальцем в сумку. Пошло в штыковую! Хорошо, что у меня плотное бельё и пояс из собачьей шерсти. Вдруг его нос ожил и стал даже по-кроличьи причмокивать ноздрями – учуял запах стирального порошка, вывозимого моими трусами. Я этого боялся: уговаривал их не брать его, обливал холодной водой – всё бесполезно: трусы всегда что-то скрывают. Нужен отвлекающий манёвр. Может, передать ему вирус воздушно-капельным путём? Чихнул. (Теперь я хоть знаю, в чём виноват.)

– Давай-давай.

Либо до него не дошло, либо он чересчур смел, что, в общем-то, одно и то же. Чихнул ещё два раза.

– Руки вверх.

Я не собирался сдаваться – чихнул ещё, себе в руки.

– Руки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.